

Изучение связи образа родительской семьи с субъективным благополучием взрослых со сниженным интеллектом

Научный руководитель – Хазова Светлана Алексеевна

Майорова Мария Николаевна

Студент (магистр)

Костромской государственной университет, Кострома, Россия

E-mail: masha_busia@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 17-06-00812.

В современной научной среде возрос интерес к изучению взрослых лиц с ОВЗ, что обусловлено изменением их положения в обществе, продвижению идеи инклюзии и гуманизации общества. Семья напрямую воспитывает личность, поэтому мы считаем необходимым изучить образ родительской семьи и его связь с субъективным благополучием взрослых со сниженным интеллектом. Мы полагаем, что ограничение выборки одним типом нарушения способствует более достоверным данным, которые могут применяться в дальнейшем в практике психологической помощи.

Для проведения исследования нами было разработано клиническое интервью с целью описания образа семьи с учетом особенностей психического развития лиц со сниженным интеллектом. Были использованы также «Цветовой тест отношений - ЦТО» (Бажин Е. Ф., Эткинд А. М.) [1], «Семейная социограмма» (Эйдемиллер Э. Г., 1996) [2]. Стоит отметить, что инструкция при проведении проективных методов при необходимости упрощалась с целью облегчения ее восприятия респондентами (без искажения смысла). Выборку исследования составили 34 взрослых со сниженным интеллектом (IQ 50 до 69), 18 мужчин, 16 женщин; средний возраст 35 лет.

При описании истории своей семьи и своего детства взрослые со сниженным интеллектом, проживающие в семье (59%), чаще описывают ее в позитивных красках. Зачастую воспоминания связываются с семьей: праздники, общение и подарки. При описании самих членов семьи мы прослеживаем также положительные характеристики: «мама хорошая, я стараюсь делать ей приятно, а она мне», «мама хорошая, добрая, готовит вкусно мне», «дедушка хороший, он мне духи дарил, я очень люблю духи». При этом так же отмечаются и негативные воспоминания: «дядя плохо про меня говорил, обзывал, не разрешал с племянницей водиться», но их значительно меньше.

Также была выделена группа респондентов, воспитанных в интернатных учреждениях (41%). Из них только половина были знакомы с родителями, но в их описаниях преобладали отрицательно окрашенные воспоминания. 14% респондентов этой группы имели негативный опыт общения. В их воспоминаниях позитивные сюжеты крайне редко были связаны с семьей, при том, что отрицательные воспоминания часто связывались с семьей: «бил меня/маму», «был плохой», «я боялся мамы/папы».

Эти результаты подтвердились при анализе социограммы. Здесь нами учитывался только тип семьи: полная (44%), неполная (12% воспитываются матерью, 12% прародителем). Так, большинство (78%) респондентов из полной семьи выделяют в своем окружении достаточное количество близких людей, что указывает на адекватность сети внутрисемейного общения. В состав семьи также включались отдельно живущие сиблинги, и такая категория как «родственники», куда входят дяди и тети, либо другие близкие. Респонденты данной группы дают позитивные комментарии о членах своей семьи, времяпрепровождении с ними, даже если сам член семьи не привлекателен лично для респондента. Если рассматривать положение «Я» респондентов из этой группы, то мы видим, что только 22%

ощущают себя центральной фигурой в семье. В 44% случаев центральное место в семье занимает мать или отец, что является вполне адекватным расположением членов семьи, в 11% респонденты не выделяют центральных членов семьи, располагая их и себя в равноудаленных позициях от центра. Также изучая дистанции на социограмме между членами семей, мы отмечаем, что члены семьи располагаются либо в одну линию, либо по кругу на равноудаленном расстоянии. В 56% случаев респонденты из полных семей имеют о своей семье впечатление сплоченной, имеющей теплые отношения, что также подтверждает данные интервью. В 22% респонденты демонстрируют ощущение эмоциональной дистанции членов семьи друг от друга, при позитивном описании отношений внутри семьи, что маркирует возможные подавленные неразрешенные обиды и вопросы внутри семьи. Так мы отмечаем, что респонденты дают социально одобряемый ответ, либо в силу снижения критичности мышления не отдают себе отчет в переживаемых эмоциях.

Респонденты из неполной семьи демонстрируют близкие и прочные отношения в семье, располагая себя и своих родных вблизи друг от друга. Наиболее близкой фигурой к «Я» является мать или бабушка. Свое «Я» они располагают в центре. Это может указывать на особенности самовосприятия респондентов, искажение мироощущения, сформировавшегося под гиперопекой родителей (прародителей), недостаточным социальным опытом в сфере семьи. Респонденты из неполной семьи не включают в круг своей семьи отца, в интервью указывая лишь его наличие и отсутствие с ним общения.

На основании анализа цветовых отношений анализировалось эмоциональное отношение респондентов к членам семьи. В группе респондентов из полной семьи в 56% мы обнаружили эмоционально положительное отношение к отцу и матери, когда они обозначались предпочитаемыми (по оценке самих респондентов) цветами. В 11% было выявлено нейтральное отношение к отцу и матери, которое маркировалось цветами, находящимися на 4-6 позициях в индивидуальных предпочтениях. В 30% случаев наблюдается совпадение цвета при оценке отношения к себе и матери.

Итак, респонденты со сниженным интеллектом в большинстве случаев имеют положительный образ семьи, близкие отношения с родными. Самым близким членом семьи является мать, респонденты часто идентифицировали себя с ней. Примерно половина респондентов продолжают ощущать себя центром семьи и заботы, что указывает на неправильный стиль воспитания или искаженное самовосприятие. Полученные данные успешно могут применяться в качестве основы для дальнейшего исследования связи образа родительской семьи с субъективным благополучием взрослых с нарушением интеллекта, а также выработки основных мишеней психотерапевтического процесса, направляя психолого-педагогическую работу в русло профилактики.

Источники и литература

- 1) Головей, Л.А., Рыбалко Е.Ф. Практикум по возрастной психологии. СПб, 2001.
- 2) Эйдемиллер Э. Г. Психология и психотерапия семьи. СПб, 2007.